

«Хотаща бо княжити сама»

Эта не совсем ясная фраза, находится в статье 1208 г. *Ипатьевской летописи*, рассказывающей об изгнании из Галича матери Даниила Романовича.

мѣи же вземь^и мечь из роукоу . оумоливш^ѣ ѹго . встави в Галичи . а сама иде в Белзь . вставивши и оу невѣрны^х Галичанъ . Володиславимъ свѣтомъ . хотаща бо княжити сама¹.

В комментариях к *Галицко-Волынской летописи* Н.Ф. Котляр объяснил эту фразу, как свидетельство желания княгини Романовой взять власть в Галиче в свои руки, сославшись на «недвусмысленное замечание» галицкого книжника. Из-за этих претензий Анну, будто бы, и удалили из Галича².

Это утверждение основано на длительной традиции толкования фрагмента³, отразившейся также и в основных переводах летописи на современные языки:

а сама пішла в Белз, лишивши його в невѣрних галичан за порадою Володислава [Кормильчича]. Вона бо хотіла княжити сама, і король [Андрій], довідавшись про вигнання її, пожалкував⁴;

а сама уехала в Белз, оставив его у коварных галичан, по совету Владислава она хотела сама княжить. Король узнал о ее изгнании и огорчился⁵.

Между тем внимательное прочтение всего летописного контекста не дает оснований для такого объяснения. Столь нереального желания у Анны не могло быть. Занять княжеский стол она не могла в силу древнерусской престолонаследной традиции⁶. Тем более, что галицкий стол фактически занимал ее сын Данило Романович. За его права она и боролась. И, конечно же, загадочная фраза, подытожившая сюжет изгнания Анны, никакого отношения к ней не имеет.

Определенно, фраза имеет ввиду боярина Володислава. Это он, убедив княгиню уйти в Белз, рассчитывал стать главной политической фигурой в Галиче. К этому располагало его особое положение при княжеском дворе (на что, как полагают, намекает его прозвище «Кормилчич», то есть сын княжеского кормильца или, скорее, кормилицы). Летописец не уточнил, какого именно из князей. Но отсутствие такой подробности нисколько не бросает тень на наследственную придворность Володислава.

Приписать Романовой противоестественное желание вокняжиться в Галиче нельзя тем более, что несколько ниже летописец дает совершенно недвусмысленную расшифровку нашего эпизода, вкладывая ее в уста венгерского короля: «Володиславъ княжитса . а атровъ мою выгналь»⁷.

Последовали репрессии, и Володислав был вывезен в Венгрию: «Володислава вковавшѣ . ведоша во Оугръ».

После ухода из Галича венгерских союзников там вспыхнул очередной антикняжеский мятеж. Пришлось Анне (теперь уже с Даниилом) вновь искать убежища в Венгрии. Это вызвало еще один военный поход короля на Галич. При этом, несколько неожиданно, участие в нем принял и боярин Володислав, отпущенный венграми из заточения. Узнав о приближении королевской рати, князь Мстислав бежал из Галича, куда беспрепятственно вошел «со всѣми Галичанъ» Володислав. И если раньше он только «княжился» (изображал из себя князя), то теперь, в отсутствие в Галиче кого-либо из княжеского рода, занял-таки княжеский стол: «Володислав же воѣха в Галичь . и вокнажиса и сѣде на столѣ»⁸. Случилось это, видимо, не без согласия короля, о чем свидетельствует тот факт, что в столкновении с польским князем Лешко — союзниками Володислава были «Угры и Чехы».

Схватку с Лешко Володислав проиграл. Король решил было вступиться за него, но, получив заманчивое предложение женитьбы своего сына на дочери польского князя, согласился с утверждением Лешко, что «не е^с лѣпо боариноу княжити в Галичи». После этого Володислав был вновь пленен венграми и отправлен в заточение, где вскоре и умер. Летописец так подытожил его авантюрные приключения: «и в томъ заточеньи оумре . нашедъ зло племени своемуу . и дѣтемъ своимъ . княжения дѣла»⁹. В Галиче был посажен сын короля.

Кормиличич Володислав имел брата, и они фигурируют в летописи в двойственном числе: «малоу же времени миновушю . и приведоша кормиличича»¹⁰ — то есть привели обоих Кормиличичей.

Это дает ключ к интерпретации нашей фразы. «Хотаща» и «сама» в ней следует понимать как, соответственно, причастие и местоимение двойственного числа и переводить ее как «а сама [Романовая] уехала в Белз, оставив его [Даниила] у коварных галичан по совету Володислава, ибо [Кормиличичи] хотели сами княжить».

1 ПСРЛ 2: 727.

2 Галицько-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар. К., 2002, 179.

3 См., напр.: Пашуто В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М., 1950, 198; Майоров А.В. *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*. СПб., 2001, 351, 364.

4 *Літопис руський за Іпатским списком*. Пер. Л. Махновця. К., 1989, 373.

5 Галицко-Волынская летопись. *Памятники литературы Древней Руси*. Т. 5 (перевод О. Лихачевой). Подобная традиция толкования повлияла и на грамматический анализ ГВл, осуществленный И.С. Юрьевой, где «хотаща» и «сама» трактуются, соответственно, как причастие и местоимение ед. ч. ж. р. (см.: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/gvl/index.php).

6 Вопреки недавней попытке обосновать обратное, см.: Inés García de la Puente, “Gleb of Minsk’s Widow: Neglected Evidence on the Rule of a Woman in Rus’ian History?” *Russian History* 39 (2012), 347–378.

7 ПСРЛ 2: 728.

8 ПСРЛ 2: 729.

9 ПСРЛ 2: 731.

10 ПСРЛ 2: 718.